

Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств-членов Евразийского экономического союза

А.С. Исполинов

доцент, заведующий кафедрой международного права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук. Адрес: 119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы, 1, стр. 13. E-mail: ispolinov@inbox.ru

Аннотация

Начало в январе 2015 г. работы Суда Евразийского экономического союза ознаменовало еще одну попытку государств-членов ЕАЭС создать региональный интеграционный суд. В отечественной литературе уже появились исследования, в которых подробно анализируются Статут и Регламент Суда ЕАЭС, в том числе в сравнении как с полномочиями просуществовавшего три года Суда ЕвразЭС, так и с компетенцией и организацией работы Суда Европейского Союза. Однако пока за рамками исследований остаются вопросы мотивов, которыми руководствовались государства-члены ЕАЭС, принимая решения о создании Суда, а также наделяя его определенной юрисдикцией, которая разительно отличается как от полномочий Суда ЕС, так и от компетенции Суда ЕвразЭС. Автор настоящей статьи пытается восполнить этот недостаток, анализируя Статут Суда ЕАЭС, с одной стороны как отражение страхов, сомнений и опасений государств-членов в отношении создаваемого ими суда, а с другой, как совокупность мер контроля над созданным судом для того, чтобы избежать или нивелировать нежелательные для них судебные решения. Автор приходит к выводу, что поиски государств-членов ЕАЭС баланса между, с одной стороны, независимостью и эффективностью Суда ЕАЭС, и желательной для них степенью контроля над Судом — с другой, не оказались стратегически удачными и выверенными. Преобладание страхов и сомнений государств при разработке Статута Суда привело к появлению ослабленного суда, что вскоре станет ощущаться на качестве процесса евразийской интеграции. Ограничения юрисдикции Суда не способствуют росту его авторитета и легитимности ни в у национальных судов стран-членов ЕАЭС, ни в глазах потенциальных заявителей, которые могут предпочесть искать судебную защиту своих прав в других международных или национальных судах, оспаривая акты ЕАЭС в ЕСПЧ в ОРС ВТО, в инвестиционных арбитражах, либо в конституционных судах стран-членов ЕАЭС.

Ключевые слова

международные суды, Евразийский экономический союз, Суд ЕАЭС, контроль, юрисдикция, конкуренция судов, частные заявители, эффективность судов.

Библиографическое описание: Исполинов А.С. Статут Суда ЕАЭС как отражение опасений и сомнений государств-членов Евразийского экономического союза // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 152–166.

JEL: K410; УДК: 341.645

DOI: 10.17323/2072-8166.2016.4.152.166

Введение

До начала 1990-х годов международные суды были довольно редким явлением и использовались для разрешения споров между государствами, если государства соглашались передать спор на рассмотрение того или иного суда. При этом максимум, на что соглашались государства при создании судов — их факультативная юрисдикция, при которой определяющим было согласие государства на рассмотрение спора в суде. С середины 1990-х годов начался бурный рост числа международных судов и трибуналов новой формации, отличительной особенностью которых было наличие уже обязательной юрисдикции, что говорило о коренном изменении подхода к роли и значению международных судов¹. Учредительные документы значительной части таких органов предусматривают прямой доступ частных лиц в эти суды с жалобами на те или иные действия государств².

Очевидно, что принимая решение о создании того или иного постоянного международного суда, государства исходят из представления, что плюсы и выгоды, полученные от создания суда, будут превышать те неминуемые неудобства и издержки, связанные с этим³. Крайне влиятельная на сегодня концепция, пришедшая в международное право из теории международных отношений, исходит из того, что государства, создавая суды, выступают в качестве доверителей (*principals*), делегируя судам (агентам) некоторые функции, которые эффективнее реализуются именно судами, а не группой государств⁴. Помимо традиционной функции разрешения споров, государства делегируют судам право контроля актов и решений институтов международных организаций, а также в определенной степени право нормотворчества для устранения пробелов (*gap filling*) и прояснения нечетко сформулированных положений (*clarifying ambiguities*) в международных договорах. Сами международные договоры все чаще рассматриваются в качестве намеренно незавершенных соглашений (*Deliberately Incomplete Contracts*)⁵, когда дипломаты и эксперты договаривающихся государств сознательно используют расплывчатые формулировки, чтобы прийти к компромиссу. Для описания действий государств в ситуации, когда в сжатые сроки необходимо согласовать текст договора и при этом преподнести результат своим парламентам и избирателям как победу, используется весьма красноречивый термин «конструктивная двусмысленность» (*constructive ambiguity*)⁶.

¹ О причинах перехода от факультативной к обязательной юрисдикции международных судов, а также о различных теориях, объясняющих это явление см.: *Romano C. From the Consensual to the Compulsory Paradigm in International Adjudication: Elements for a Theory of Consent // New York University Public Law and Legal Theory Working Papers. 2006. P. 20.*

² *Alter K. Private Litigants and the New International Courts // Comparative Political Studies. 2006. Vol. 39. N 1. P. 22–49.*

³ *Helper L., Slaughter A. Why States Create International Tribunals: A Response to Professors Posner and Yoo // California Law Review. 2005. Vol. 93. P. 1–58.*

⁴ *Alter K. Agents or Trustees? International Courts in Their Political Context // European Journal of International Relations. 2008. Vol. 14 (1) P. 33–63.*

⁵ *Ben-Shahar O. Agreeing to Disagree: Filling Gaps in Deliberately Incomplete Contracts // Wisconsin Law Review. 2004. N 2. P. 389–428.*

⁶ Об использовании этого термина применительно к международным соглашениям см.: *Bell C., Cavanaugh K. Constructive Ambiguity or Internal Self-Determination? Self-Determination, Group Accommodation, and the Belfast Agreement // Fordham International Law Journal. 1998. Vol. 22. N. 4. Pp. 1345–1371; о соглашениях ВТО как о незавершенных контрактах в результате конструктивной двусмысленности см.: *Shany Y. Assessing Effectiveness of International Courts. Oxford, 2015. P. 195; Trachman J. The Domain of WTO Dispute Resolution // Harvard International Law Journal. 1999. P. 346–350.**

Однако государства, создавая международные суды и понимая, что они должны быть независимы и беспристрастны для эффективного осуществления их функций⁷, старались и стараются предусмотреть различные механизмы контроля над ними. Эти механизмы должны страховать государства от выхода суда за отведенные государствами рамки в процессе толкования и применения судами норм права. Отсутствие универсальных рецептов в этом отношении и каких-либо ограничений приводило к появлению самых разнообразных вариантов. Итоговый выбор во многом определялся как общими представлениями государств (иногда весьма поверхностными) о специфике международного правосудия, так и полученным государствами опытом общения с международными судами. Как показывает практика, различные меры контроля над международными судами могли быть как предварительного характера *ex ante*, т.е. принимаемыми на стадии обсуждения полномочий и организации суда, так и последующего — *ex post*, т.е. уже после вынесения решений, выходящих, по мнению государств, за отведенные суду рамки.

В первую группу входит право государств создавать суды, утверждать их процедурные правила, определять объем полномочий суда и его бюджет, а также проводить отбор и назначение судей. Ко второй группе, когда государства недовольны тем, как суд толкует и применяет нормы права, относятся меры коллективного характера, которые возможны и наиболее эффективны, когда число участников договора о создании суда относительно невелико. К этим мерам можно отнести: (а) внесение изменений в договор, положения которого потом будут толковаться и применяться судом; (б) пересмотр юрисдикции суда в сторону ее сужения и в исключительных случаях приостановление и даже прекращение деятельности суда⁸. К мерам индивидуального характера можно отнести право государства при неблагоприятном для них развитии событий отказаться от юрисдикции суда в дальнейших спорах⁹, а также не исполнять или игнорировать решения международных судов. Эта возможность не приветствуется международным правом, но от этого не становится призрачной¹⁰.

Используя это исключительное положение «творцов договоров» («masters of the treaties»)¹¹, государства стараются (особенно это очевидно в последнее время) сконстру-

⁷ «Судебная независимость признана в качестве существенного фактора в поддержании доверия и легитимности международных судов и трибуналов». См.: *Mackenzie R., Sands Ph. International Courts and Tribunals and the Independence of the International Judge // Harvard International Law Journal. 2003. Vol. 44. N 1. P. 271.*

⁸ Например, после ряда смелых решений, вынесенных против влиятельных государств, несколько африканских субрегиональных судов были либо фактически закрыты (Трибунал Южноафриканского сообщества развития), либо государства пытались с разной степенью успеха ограничить их юрисдикцию (Суд ЕАЭС и Суд Восточноафриканского Сообщества). См. подробнее: *Alter K., Gathii J., Helfer L. Backlash against International Courts in West, East and Southern Africa: Causes and Consequences // The European Journal of International Law. 2016. Vol. 27. N 2. Pp. 293–328; de Wet E. The Rise and Fall of the Tribunal of the Southern African Development Community: Implications for Dispute Settlement in Southern Africa // ICSID Review. 2013. P. 1–19.*

⁹ Так, США после проигрыша ряда дел в Международном Суде ООН вышли из факультативного Протокола к Консульской конвенции 1963 г., предусматривающего обязательную юрисдикцию этого суда по всем спорам, вытекающим из этой Конвенции. См. более подробно: *Quigley J. The United States' Withdrawal from International Court of Justice Jurisdiction in Consular Cases: Reasons and Consequences // Duke Journal of Comparative and International Law. 2009. Vol. 19. P. 263–306.*

¹⁰ Так, США отказались исполнять решение Международного Суда ООН (МС) по делу *Nicaragua v USA*. По инициативе Никарагуа вопрос о неисполнении решения в соответствии со статутom МС был передан на рассмотрение Совета Безопасности ООН, где и был тихо похоронен. Иран также не исполнил решение МС по делу о захвате заложников в американском посольстве в Тегеране. Великобритания уже более 10 лет игнорирует решение ЕСПЧ по делу *Hirst*.

¹¹ Термин «Masters of the Treaty» прочно вошел в словарь исследователей вопросов международного правосудия. См., напр.: *Alter K. Who are the Masters of the Treaty? European Governments and the European Court of Justice // International Organization. 1998. Vol. 52. N 1. P. 121–147.*

ировать как можно больше страховочных механизмов для минимизации такого рода рисков. Используя концепцию *principal — agent* применительно к международным судам, можно сказать, что государства, принимая решение о создании суда, стараются в той или иной степени проработать как положения своего рода агентского соглашения с судом, так и механизм его возможного пересмотра или даже расторжения в виде прекращения деятельности суда или выхода государства из его юрисдикции.

Трудно в точности сказать, чем именно руководствовались и какие факторы принимали во внимание государства-учредители Евразийского экономического союза (Беларусь, Казахстан и Россия), разрабатывая и принимая Статут Суда ЕАЭС. Даже хронология создания евразийских интеграционных судов показывает, какими серьезными были сомнения и колебания в отношении объема полномочий и дизайна создаваемого суда¹². Безусловно, в пользу создания не просто суда, а именно сильного суда говорил опыт Европейского Союза, самого успешного на сегодня интеграционного объединения, в котором Суд ЕС сыграл определяющую роль как в создании единого внутреннего рынка, так и создании эффективно функционирующего правопорядка ЕС, проделав то, что получило название «судебной интеграции Европы». Как показывает мировой опыт, страны-участники интеграционных объединений создают суды, используя в качестве модели Суд ЕС¹³. С другой стороны, из трех государств-учредителей ЕАЭС только Россия обладала опытом регулярного общения с международными судами в лице Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ), и этот опыт нельзя назвать сугубо позитивным. Кроме того, в расчет принималась и неоднозначная практика Суда ЕврАзЭС, деятельность которого вполне можно считать своего рода первичной обкаткой государствами своих идей на практике. Вероятно, государства намеревались получить эффективно действующий суд, но при этом исключить любую возможность его трансформации в крайне влиятельную и весьма независимую структуру, которой стал за 65 лет Суд ЕС.

Именно поэтому за основу была взята модель Суда ЕС, которая подверглась серьезной адаптации, в ходе которой учитывались как опыт ЕС, так и уроки участия России

¹² Договор о создании Евразийского экономического сообщества, подписанный в 2000 г., в ст. 3 содержал положение о создании Суда ЕврАзЭС. Предполагалось, что он будет рассматривать лишь межгосударственные споры, а также давать заключения по запросам государств. Тем не менее, с 2000 по 2003 гг. шагов по созданию этого суда не последовало, и лишь в 2003 г. был утвержден его Статут. Но одновременно государства-члены ЕврАзЭС решили возложить функции создаваемого суда на Экономический Суд СНГ до окончания процесса формирования суда. Но даже такой аутсорсинг правосудия не привел к практическим результатам, Суд СНГ не рассмотрел ни одного дела, поступившего из ЕврАзЭС. В 2010 г. члены ЕврАзЭС утверждают новый, более проработанный Статут Суда, а затем отдельным Договором урегулировали вопросы рассмотрения Судом обращений частных лиц, но только в рамках создаваемого внутри ЕврАзЭС Таможенного союза. Более подробно об истории создания судов евразийской интеграции см.: Евразийская интеграция: роль Суда / под ред. Т.Н. Нешатаевой. М., 2015. С. 47–51.

¹³ Все объединения, входящие в эту группу, берут за основу либо копируют судебную систему Европейского Союза. Юрисдикция создаваемого на постоянной основе Суда в значительной степени напоминает, а иногда идентична юрисдикции Суда ЕС. К числу таких судов относятся: Суд Бенилюкса (1974), Андский трибунал (1984), Суд ЕАСТ (1994), Суд Восточноафриканского экономического и валютного союза (1995), Суд Общего рынка восточноафриканских стран (COMESA) (1998), Суд Восточноафриканского сообщества (ЕАС) (2001), Карибский Суд Справедливости (2004), Суд Экономического сообщества восточноафриканских стран (ECOWAS) (2002), Трибунал Южноафриканского сообщества развития (SADC) (2007), Суд ЕАЭС (2015). По поводу заимствования (иногда некритического) модели Суда ЕС см.: *Baudenbacher C. Judicialization: Can the European Model Be Exported to Other Parts of the World? // Texas International Law Journal. 2004. Vol. 39. P. 381–400; Alter K. The Global Spread of European Style International Courts // West European Politics. Vol. 35. N 1. P. 135–154.*

в ЕСПЧ. Один из них состоит в том, что на момент вступления России в Совет Европы она не имела возможности влиять на объем юрисдикции Суда и на сложившуюся практику применения им норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950) (далее — ЕКПЧ). Большой состав участников ЕКПЧ, равно как и авторитет Суда, заведомо исключали любую инициативу государств по урезанию юрисдикции Суда. Еще один из уроков международного правосудия, который также учитывался при создании евразийских интеграционных судов, состоит в том, что риски, связанные с появлением сильного международного суда, лучше предвидеть и минимизировать заранее, исходя из того, что любой создаваемый суд наиболее уязвим в самом начале своей деятельности. В этом отношении обширный набор ограничений, использованных государствами при создании Суда ЕАЭС, показывает понимание ими этих рисков и желание их максимально исключить. Именно этим объясняются особенности юрисдикции и организации Суда ЕАЭС в сравнении не только с Судом ЕС, но и с предшественником — Судом ЕврАзЭС¹⁴.

Целью настоящей статьи не является детальный анализ всех положений Статута Суда и его Регламента. Оба документа, определяющие работу суда, будут рассматриваться исходя из задачи изучения воплощенных в этих документах намерений государств по контролю за создаваемым ими судом.

Состав и организация Суда

Как и в Суде ЕврАзЭС, Статут Суда ЕАЭС устанавливает, что в состав Суда входят по два судьи от каждого государства-члена, назначаемых на 9 лет решением Высшего межгосударственного совета, принимаемого консенсусом. Здесь мы натываемся на первую несурзность Статута Суда, которая в будущем может создать серьезные проблемы. Отсутствие института ротации судей в действующем Статуте Суда ЕАЭС может привести к ситуации, когда по истечении действующего срока полномочий состав Суда будет полностью обновлен, что существенным образом повлияет на качество рассматриваемых дел и преемственность практики Суда. Необходимо предусмотреть ротацию одной трети состава суда каждые три года (положения такого рода есть в учредительных документах каждого постоянно действующего суда)¹⁵. Введение института ротации судей каждые три года на треть позволит избежать полного обновления состава Суда в 2024 году. Кроме того, желательно предусмотреть положение, что по решению Высшего совета количество судей может быть увеличено. Это даст возможность изменить при необходимости число судей, не меняя сам Статут.

Предусмотренный Статутом порядок назначения судей, равно как и предъявляемые к кандидатам на пост судьи требования в принципе аналогичны правилам, при-

¹⁴ В отечественной литературе уже появились исследования, в которых подробно анализируются Статут и Регламент Суда ЕАЭС, в том числе и в сравнении как с полномочиями просуществовавшего три года Суда ЕврАзЭС, так и с компетенцией и организацией работы Суда Европейского Союза. См., напр.: Соколова Н. Евразийская интеграция: возможности Суда Союза // *Lex Russica*. 2015. № 11. С. 96–103; Кембаев Ж. Сравнительно-правовой анализ функционирования Суда Евразийского экономического союза // *Международное правосудие*. 2016. № 2 (18). С. 30–45; Евразийская интеграция: роль Суда / под ред. Т.Н. Нешатаевой. М., 2015; Кожеуров Я. Институты международного правосудия и право Евразийского Экономического Союза: смотр правовых сил // *Российский юридический журнал*. 2016. № 4. С. 4–16.

¹⁵ Напр., ст. 13 Статута Международного Суда ООН устанавливает, что «члены Суда избираются на девять лет и могут быть переизбраны, с тем, однако, что срок полномочий пяти судей первого состава Суда истекает через три года, а срок полномочий еще пяти судей — через шесть лет». Пункт 9 (b) ст. 36 Статута Международного уголовного суда содержит аналогичные положения.

нятым во многих международных судах. Меняется сам порядок формирования Суда. Если раньше судьи избирались Межпарламентской ассамблеей по представлению Межгосударственного совета, то теперь судьи Суда Союза назначаются решением Высшего евразийского экономического совета (а это главы государств-членов Союза) по представлению государств-членов (ст. 10 Статута). Статус судей это бесспорно повышает. Однако это также и показывает, что правительства намерены контролировать весь процесс назначения судей. Принятие решения по этому поводу консенсусом означает, что состав Суда устанавливается по всеобщему согласию государств.

Процесс выбора кандидатов на должность судей Суда на национальном уровне ничем не урегулирован, и, так же, как в других международных судах, грешит политизированностью и непрозрачностью. В этом отношении перспективным, хотя и явно не первоочередным, видится создание специального квалификационного комитета, действующего под руководством Председателя Суда ЕАЭС, который бы формировался из числа вышедших в отставку судей международных судов и высших национальных судов стран-членов Союза. Задачей такого комитета стала бы оценка профессиональных знаний и опыта кандидатов на должность судьи Суда ЕАЭС (такая процедура принята с 2009 г. в ЕС и с 2010 г. в ЕСПЧ и уже показала свою эффективность)¹⁶. Мнения такого комитета носили бы рекомендательный характер для государств и были бы закрыты для широкой публики. Факт наличия такого органа и необходимости пройти в нем собеседование означал бы серьезное повышение требований к возможным кандидатам.

В соответствии со ст. 70 Статута Суда ЕАЭС, Суд рассматривает дела в составе Большой Коллегии (куда входят все судьи Суда), Коллегии из трех судей и Апелляционной палаты. При этом вызывает серьезные вопросы конструкция апелляционного рассмотрения дел в Суде. В соответствии со ст. 80 Статута Суда Союза (дословно копирующего п. 1 ст. 9 Статута Суда ЕврАзЭС), Апелляционная палата образуется из оставшихся судей Суда, которые не принимали участия в рассмотрении дела по первой инстанции. Таким образом, если в одном деле первая тройка судей будет рассматривать дело по первой инстанции, а вторая тройка — в качестве апелляционной палаты, то в другом деле судьи могут поменяться местами.

Такой порядок формирования апелляционной инстанции в корне расходится с международной практикой, где международные суды действуют либо без апелляционной инстанции, либо, если она создается, то в виде отдельной постоянно действующей палаты Суда с постоянным составом (например, Международный уголовный суд, Суд ЕС, африканские Суд ЕАС и Суд COMESA). На наш взгляд, сегодняшний порядок рассмотрения апелляционных жалоб в Суде чреват серьезным конфликтом интересов. Кроме того, удивительно, что Статут не предусматривает возможности апелляционного обжалования решения первой инстанции Суда об отказе принять дело к рассмотрению. На фоне этого серьезного упущения не так драматично отсутствие у апелляционной инстанции возможности отправить дело на новое рассмотрение в первую инстанцию.

Юрисдикция Суда

В соответствии со Статутом Суд ЕАЭС имеет право рассматривать споры, инициированные либо государствами-членами ЕАЭС, либо частными лицами. Государства являются, без сомнения, привилегированными заявителями. Они не только вправе обжаловать акты или действия (бездействие) Евразийской Экономической Комиссии (да-

¹⁶ *Dumbrovsky T., Petkova B., Van der Sluis M.* Judicial Appointments: Article 255 of TFEU Advisory Panel and Selection Procedures in the Member States // *Common Market Law Review*. Vol. 51. Issue 2. P. 455–482.

лее — ЕЭК), но и ставить вопрос о несоответствии того или иного международного договора, заключаемого в рамках ЕАЭС, Договору о создании Союза, а также обжаловать действия другого государства-члена Союза на предмет соответствия договорам ЕАЭС и решениям институтов Союза. Никаких ограничений прав государств в этом отношении Статут не предусматривает.

В отличие от Статута Суда ЕврАзЭС, Статут Суда ЕАЭС не предусматривает возможности ЕЭК обратиться в Суд с иском против государства, нарушающего свои обязательства по праву ЕАЭС. Очевидно, это показалось государствам излишним, несмотря на то, что тот же Суд ЕврАзЭС мог выносить лишь декларативные решения, признавая только сам факт нарушения со стороны государства. Тем не менее вопросы эффективного контроля над исполнением государствами своих обязательств остается крайне важными для успешного развития любого интеграционного объединения. В этом отношении роль, которую играют наднациональные институты, такие как ЕЭК, трудно переоценить. Поэтому не исключено, что государства-члены ЕАЭС уже в ближайшем будущем вернутся к идее наделить ЕЭК правом обращаться в Суд с исками о неисполнении государствами-членами Союза своих обязательств. Как показывает практика всех интеграционных объединений, обращения в Суд от государств в отношении других государств, нарушивших свои обязательства, чрезвычайно редки (в том же ЕС за все время его существования было рассмотрено всего шесть таких исков). Государства в первую очередь руководствуются политическими соображениями, а не эффективностью функционирования правопорядка интеграционных объединений. Эффективный контроль в этом случае возможен только при наделении такими правами Комиссии. Ограничение круга субъектов, обладающих правом обращения в Суд, только государствами-членами делает контроль неэффективным.

Если же рассматривать статус частных лиц при их обращении в Суд ЕАЭС, то нужно отметить, что тот обширный набор ограничений, использованных государствами при создании сначала Суда ЕврАзЭС, а затем и Суда ЕАЭС, показывает опасения с их стороны как рисков активности потенциальных частных заявителей, так и той роли, которую частные заявители могут сыграть в появлении нежелательных для государств судебных решений.

Во-первых, с самого начала было решено, что заявителями в судах евразийской интеграции могут быть только юридические лица или индивидуальные предприниматели (как из государств-членов Союза, так и из других стран), и лишь при условии уплаты судебной пошлины¹⁷ (крайне редкое ограничение в мировой практике). Во-вторых, обжаловать в эти суды частные лица могли только решения и действия (бездействие) ЕЭК, которые непосредственно затрагивают права и законные интересы заявителя. Требования о возмещении ущерба были исключены из юрисдикции евразийских судов, а обжаловать в апелляционном порядке можно лишь решение Суда ЕАЭС по существу, но не решение об отказе в принятии жалобы к рассмотрению.

Еще одним ограничением на пути заявителя в евразийские суды является требование об обязательном досудебном рассмотрении спора в ЕЭК, впервые появившееся в Договоре об обращении хозяйствующих субъектов в Суд ЕврАзЭС. Статья 4 этого Договора устанавливала, что заявление принимается Судом к рассмотрению только после предварительного обращения хозяйствующего субъекта в Комиссию Таможенного союза. Если Комиссия в течение двух месяцев не приняла мер по поступившему обращению, заявитель получал право обратиться в Суд ЕврАзЭС. Таким образом, требование о

¹⁷ Решением ВЕЭС от 21.12.2015 № 40 утвержден размер пошлины, уплачиваемой хозяйствующими субъектами при обращении в Суд Евразийского экономического союза в 2016 году. Госпошлина составит 39 368 руб.

соблюдении досудебного порядка рассмотрения спора позиционировалось именно как обязательное условие для реализации права на судебную защиту. В статье 43 Статута Суда ЕАЭС это требование сформулировано уже по-другому: «Спор не принимается к рассмотрению Судом без предварительного обращения заявителя к государству-члену или Комиссии для урегулирования вопроса в досудебном порядке путем консультаций, переговоров или иными способами». Таким образом, декларируется не только обязательность процедуры, но и цель такого обращения — досудебное урегулирование, на которое отводится не два месяца, как в Суде ЕврАзЭС, а три.

Если требование о юридическом статусе заявителя и об уплате им пошлины можно отнести к требованиям объективного характера, то положение о том, что оспариваемый акт или действие ЕЭК должны «непосредственно затрагивать» права и законные интересы заявителя, сразу же потребовало толкования со стороны Суда ЕАЭС в силу неопределенности термина «непосредственно». В Постановлении от 1.04. 2015 по заявлению ЗАО «Капри» Суд формулировал критерии того, что именно будет считаться «непосредственно затрагивающим» права и законные интересы заявителя: 1) заявитель должен действовать в той отрасли, которая подпадает под сферу регулирования оспоренного акта ЕЭК; 2) заявитель должен понести реальный ущерб от применения этого акта.

Помимо функции разрешения споров Суд ЕАЭС имеет также консультативную юрисдикцию. О консультативных заключениях говорится в ст. 26 Статута Суда, где указано, что с запросом на такие заключения могут обращаться государства-члены Сообщества, институты Сообщества, а также высшие суды государств-членов. Во многих международных судах помимо функции разрешения споров присутствует именно такая консультативная юрисдикция, суть которой в самом общем виде можно описать как подготовку заключений по вопросам толкования и применения международно-правовых норм по запросам государств или международных организаций. Назовем это классическими консультативными заключениями. Такие заключения не имеют юридической силы и являются рекомендательными. Наиболее известные консультативные заключения (advisory opinions) Международного Суда ООН. Мало кто знает, что такая функция с 1970 г. есть и у ЕСПЧ, который может по просьбе Комитета министров Совета Европы выносить консультативные заключения по юридическим вопросам, касающимся толкования положений Конвенции.

В новом Статуте Суда Союза полностью исключена функция вынесения преюдициальных заключений по запросам национальных судов, которая была у Суда ЕврАзЭС, хоть и в весьма скромном варианте¹⁸. Однако именно преюдициальные заключения Суда ЕС сыграли решающую роль в формировании современного правопорядка Европейского Союза¹⁹. Нет никаких сомнений, что решение государств лишить Суд ЕАЭС преюдициальной юрисдикции стало своеобразным ответом на Решение Большой Коллегии Суда ЕврАзЭС от 10.07.2013 (ставшее первым и единственным преюдициальным заключением Суда ЕврАзЭС), в котором Суд ЕврАзЭС предпринял попытку сделать из своего ответа на запрос белорусского суда норму права²⁰.

¹⁸ Ст. 3 Договора об обращении в Суд ЕврАзЭС хозяйствующих субъектов говорила о заключениях Суда по вопросам применения договоров и решений органов Сообщества по запросам высших судебных органов при рассмотрении ими споров с участием частных лиц, если эти вопросы существенно влияют на разрешение дела по существу.

¹⁹ *de la Mare T., Donnelly C. Preliminary Rulings and EU Law Legal Integration: Evolution and Stasis / The Evolution of EU Law. P.Craig, G.De Búrca, ed.. Oxford, 2011. P. 363–406.*

²⁰ Суд ЕврАзЭС, в частности, постановил, что преюдициальное заключение Суда (в решении Суд называет его «решением») является обязательным, обжалованию не подлежит, вступает в силу после

Представляется, что такой ответ является непропорциональным, так как полностью лишает Суд ЕАЭС возможности диалога с национальными судами, которые применяют акты Союза, непосредственно действующие в национальных правовых системах стран-членов Союза. Напротив, по мере развития евразийского интеграционного проекта все более очевидной становится необходимость наделения Суда правом давать преюдициальные заключения в ответ на запросы национальных судов. Без таких изменений, без диалога Суда Союза и национальных судов, нацеленного на единообразное применение норм права Евразийского Союза всеми национальными судами стран-членов, невозможно создание единого правового пространства и, как следствие, полноценного единого внутреннего рынка.

Отдельно нужно отметить, что Статут нового Суда не предусматривает юрисдикции Суда по трудовым спорам служащих институтов Союза. В соответствии с п. 46 Статута Суда ЕАЭС ему отведена скромная роль органа, который может лишь давать необязательные консультативные заключения по заявлениям сотрудников и должностных лиц органов Союза по вопросам трудовых отношений (в любом случае это нельзя считать преюдициальной юрисдикцией). Право Союза (п. 25 Положения о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом Союзе) предельно категорично. Сотрудники не подлежат юрисдикции судебных или административных органов государства пребывания в отношении действий, совершаемых при непосредственном выполнении ими служебных обязанностей. Можно предположить, что все трудовые споры служащих ЕЭК выведены из-под юрисдикции каких-либо судов, что говорит об абсолютной судебной незащищенности сотрудников ЕЭК и других институтов Союза.

Такой порядок разительно отличается от юрисдикции региональных судов других интеграционных объединений, каждое из которых обладает правом рассматривать трудовые споры сотрудников органов и институтов этих объединений. Это, безусловно, является на сегодня одним из слабых мест правового порядка ЕАЭС. Существующая система защиты прав сотрудников ЕЭК по меньшей степени проблематична и уж точно не соответствует международным стандартам. В этом отношении для ЕАЭС самое прямое отношение имеет устоявшаяся практика ЕСПЧ применительно к трудовым спорам служащих международных организаций. Первым знаковым делом стало решение ЕСПЧ от 1999 г. по делу *Waite and Kennedy*²¹, где ЕСПЧ впервые признал иммунитет международных организаций от юрисдикции национальных судов относительно и зависящим от нескольких условий, в том числе и от доступной и эквивалентной альтернативы у заявителей. Последовавшая за ним практика европейских стран показывает, что национальные суды стали отказываться принимать во внимание нормы о судебном иммунитете международных организаций при рассмотрении трудовых споров их сотрудников, если суды не уверены, что на уровне организации есть адекватная защита прав сотрудников.

Позволительно предположить, что судебная незащищенность сотрудников институтов ЕАЭС в скором времени приведет как к решениям ЕСПЧ по этому вопросу, так и поставит в трудное положение российские суды, куда будут обращаться сотрудники ЕЭК за своей защитой. Их отказ принимать такие иски к рассмотрению расценен ЕСПЧ как отказ заявителю в правосудии, с учетом отсутствия адекватной защиты на

его провозглашения и действует непосредственно на территории государств-членов Таможенного союза. Суд также заявил, что суды государств-членов Таможенного союза должны учитывать правовые позиции, изложенные в решении Суда.

²¹ ECHR, *Waite & Kennedy v. Germany*, App. No. 26083/94, 30 Eur. Ct. H.R. 261 (1999).

уровне ЕАЭС. К сожалению, в своем первом Заключении²² на обращение сотрудников ЕЭК, вынесенном в июне 2016 г., Суд не дал оценки полноты судебной защищенности сотрудников ЕЭК с точки зрения современной международной практики. Суд ограничился утверждениями, что у Комиссии по этике, созданной в ЕЭК для целей разрешения конфликтных ситуаций, имеется «существенный правовой потенциал для разрешения конфликтных ситуаций», а у обращений сотрудников в эту Комиссию есть «правовая перспектива».

Правовые последствия решений Суда ЕАЭС и их исполнение

В соответствии с п. 111 Статута Суда ЕАЭС действие решения ЕЭК, признанного Судом не соответствующими Договору, продолжается и после вступления в силу соответствующего решения Суда до исполнения Комиссией данного решения. Действие оспоренного решения ЕЭК может лишь приостанавливаться по решению Суда. Таким образом, установлен даже более жесткий подход, чем в случае с Судом ЕврАзЭС²³. Это не только дает еще меньше оснований считать процедуру оспаривания актов ЕЭК процедурой аннулирования (наподобие существующей в Суде ЕС), но и ясно говорит о намерении государств видеть в ней именно проверку акта ЕЭК на соответствие Договорам ЕАЭС и не более того. Также можно говорить о некоем ответе государств на практику Суда ЕврАзЭС, которая показала им неприемлемой. Так, в получившем известность Постановлении Большой коллегии Суда ЕврАзЭС от 8 апреля 2013 г.²⁴ было дано разъяснение о правовых последствиях решения Суда об оспаривании актов ЕЭК. Столкнувшись с саботажем своего решения по заявлению ОАО «Южный Кузбасс», Суд ЕврАзЭС заявил, что признание Судом оспариваемого акта не соответствующим договорам об образовании Сообщества влечет за собой его ничтожность (недействительность) с даты его принятия, если иное не установлено самим Судом, а затем строго указал: «Правоприменительную практику судов государств-членов Таможенного союза в отношении ОАО «Южный Кузбасс»²⁵, а также в отношении аналогичных дел (!), привести в соответствие с настоящим решением». Как мы видим, речь шла не об устранении Судом лакуны или об уточнении неясного положения, а о полной замене нормы договора нормой, созданной судом. При этом из аргументов Суда вытекало, что факт создания Суда на основе договора априори предопределяет обязанность государств принимать нормотворчество Суда. В новом Статуте Суда ЕАЭС государства дали ответ Суду, перекрыв тем самым его выводы в решении по «Южному Кузбассу».

Помимо закрепления в Статуте Суда своего представления о том, что влечет за собой признание акта ЕЭК не соответствующим положениям договоров ЕАЭС, государства

²² Консультативное заключение Суда ЕАЭС от 3.07. 2016. Available at: <http://courteurasian.org/page-24161> (дата обращения: 1.10.2016)

²³ В соответствии с п. 2 ст. 11 Договора об обращении хозяйствующих субъектов успешно оспоренные решения ЕЭК должны быть приостановлены с даты вступления в силу решения Суда и до приведения Комиссией этого пункта в соответствие с положениями договоров Сообщества.

²⁴ Постановление Большой коллегии Суда ЕврАзЭС от 8.04. 2013. Available at: <http://www.rg.ru/2013/07/17/evrazes-sitedok.html> (дата обращения: 1.10.2016)

²⁵ Решение Суда ЕврАзЭС по делу ОАО «Угольная Компания «Южный Кузбасс» против Евразийской Экономической Комиссии» от 5.09. 2012. Available at: http://www.rg.ru/pril/70/60/82/Reshenie_ot_5_sentiabria_2012_goda.pdf (дата обращения: 1.10.2016)

постарались вставить в Статут ряд положений, которые позволяют им не исполнять нежелательные им решения или ставить под вопрос легитимность решения Суда. Эти положения — красноречивое предупреждение на случай нежелательного толкования или нормотворчества Суда, расходящегося с интересами государств. К числу таких положений можно в первую очередь отнести положения Статута об исполнении решений Суда ЕАЭС. В соответствии со ст. 99–100 Статута решения Суда являются обязательными для исполнения сторонами спора. Однако далее ст. 114–115 говорят, что в случае неисполнения решения Суда вопрос может быть передан на рассмотрение Высшего Экономического Совета, т.е. политического органа Союза. Это приходится понимать как резервирование государствами возможности избежать нежелательных для них решений Суда через их неисполнение. Высший Совет, состоящий из президентов стран-членов ЕАЭС и принимающий решения консенсусом, и будет в конечном итоге решать вопрос о судьбе решения Суда ЕАЭС.

В качестве более серьезного варианта ограничения нежелательных решений Суда ЕАЭС выступает п. 102 Статута, который устанавливает, что «решение Суда не изменяет и (или) не отменяет действующих норм права Союза, законодательства государств-членов и не создает новых». Смысл этого пункта в том, чтобы дать государствам основания не согласиться с решением и не исполнять его, опираясь при этом на его нелегитимность как результат нарушения Судом данной статьи Статута.

К числу мер, которые государства оставили в своем арсенале для нивелирования последствий нежелательных решений Суда ЕАЭС, относится и предусмотренная ст. 47 Статута возможность совместного толкования государствами-членами ЕАЭС положений Договора о ЕАЭС. Более того, можно предположить, что такое толкование будет, как минимум, иметь больший вес, чем разъяснения, данные Судом в его решениях или заключениях. Статут ничего не говорит об обязательности такого толкования, но это не означает, что оно будет для Суда пустой бумажкой. Сегодня такое толкование рассматривается международным правом как последующее соглашение государств. В соответствии с п. 3 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров (1969), такое соглашение должно как минимум приниматься во внимание судами, созданными для применения таких международных соглашений. Понятно, что порядок совместного толкования еще не определен, и пока трудно понять, как и при каких условиях это будет реализовано. Однако это не исключает того, что данный вариант в принципе не может быть реализован. Много будет зависеть и от позиции самого Суда, для которого было бы фатальной ошибкой игнорировать эту статью и полагать, что только у него есть исключительное право толковать положения Договора о ЕАЭС. Государства Союза недвусмысленно показали, что намерены сохранять за собой последнее слово в вопросах толкования, и уже сейчас зарезервировали такую возможность в Статуте Суда.

Внешние вызовы

По сравнению с действующими сегодня судами интеграционных объединений юрисдикция Суда ЕАЭС сильно ограничена, что может стать серьезным препятствием на пути формирования правопорядка Евразийского Союза. Юрисдикцию нынешнего Суда ЕАЭС сравнима с юрисдикцией Суда Европейского объединения угля и стали (далее — ЕОУС), действовавшего в период с 1953 по 1957 гг. Так же, как в Суде ЕОУС, заявителями могут быть только хозяйствующие субъекты (в суде ЕОУС — предприятия), оба суда лишены преюдициальной юрисдикции. Однако в отличие от Суда ЕАЭС, Суд ЕОУС с

самого начала обладал правом судебного контроля в отношении актов исполнительного органа Сообщества. Как уже указывалось, Суд ЕАЭС не может рассматривать трудовые споры служащих Союза, лишен права рассматривать любые требования о возмещении ущерба, безотносительно к тому, идет ли речь об ущербе, причиненном оспоренным актом ЕЭК, либо ущербе, возникшим из-за неосторожного причинения вреда, либо ущербе, вызванном незаконным увольнением служащего органов Союза. Такие ограничения сужают поле деятельности Суда, не способствуют росту его авторитета и легитимности суда ни у национальных судов, ни у потенциальных заявителей, которые могут предпочесть судебную защиту в других международных или национальных судах, оспаривая акты ЕАЭС в ЕСПЧ, в ОРС ВТО, в инвестиционных арбитражах, либо в конституционных судах стран-членов ЕАЭС26.

При этом не должно вводить в заблуждение то, что согласно Договору о создании ЕАЭС Суд Союза является единственной судебной инстанцией в части обжалования частными лицами актов и решений ЕЭК. По факту Суд ЕАЭС уже сейчас конкурирует как с национальными судами стран-членов Союза (в первую очередь, с их конституционными судами), так и с другими международными судами, которые также могут признать свою юрисдикцию (пусть и косвенно) в отношении актов Союза. В этом отношении красноречив опыт немецкой компании «Фольксваген», которая сначала пыталась обжаловать антидемпинговые пошлины, введенные ЕЭК, в Суде ЕвразЭС, но в итоге предпочла убедить свое правительство подать на Россию жалобу в ОРС ВТО. Иностранцы могут также попытаться обжаловать акты ЕЭК в инвестарбитраж, апеллируя при этом к положениям межгосударственных соглашений о защите инвестиций, заключенных Россией. Еще одним вариантом для потенциальных частных заявителей остается ЕСПЧ, который будет только рад протестировать судебную систему Евразийского Союза на предмет соответствия своим стандартам.

Конкуренция Суда ЕАЭС и Конституционного Суда России (далее — КС) из разряда теоретических вопросов уже стала реальностью. Так, в нескольких решениях КС постановил, что действующий в ЕАЭС Таможенный кодекс Таможенного союза применяется на территории России в толковании, данном КС27. Более того, в определении от 3.03.2015 28 КС заявил о своем праве проверять акты ЕЭК на предмет их соответствия Конституции России, исходя из постулата, что только он решает вопрос о конституционности норм, действующих в правовом порядке России. В этот правовой порядок входят не только национальные нормы, но и нормы международного права, включая Договор о создании Евразийского Союза и решения ЕЭК. Из этого КС сделал вывод о своем праве рассматривать вопросы о конституционности решений ЕЭК, несмотря на то, что такая возможность напрямую не закреплена в законе «О Конституционном Суде» (что не удивительно, так как закон был принят в 1994 г., когда никто еще и не думал о Евразийском Союзе).

²⁶ См. детально по этому поводу: *Кожеуров Я.* Указ. соч. С. 4–16.

²⁷ Определение КС РФ от 17.11. 2011 № 1487-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Худайназарова Мурата Реимназаровича на нарушение его конституционных прав положениями статей 150, 153 и 195 Таможенного кодекса Таможенного союза»; Определение КС РФ от 2.07. 2013 № 1050-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы компании «Team Niinivirta AY» на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 2 статьи 80, пункта 1 статьи 91 и пункта 1 статьи 342 Таможенного кодекса Таможенного союза».

²⁸ Определение КС РФ от 03.03.2015 № 417-О «По запросу Арбитражного суда Центрального округа о проверке конституционности пункта 4 Порядка применения освобождения от уплаты таможенных пошлин при ввозе отдельных категорий товаров на единую таможенную территорию Таможенного союза».

По мнению КС, членство в межгосударственных объединениях не должно приводить к нарушению прав человека и не должно создавать угрозу основам конституционного строя. Таким образом, КС указал на два возможных основания для своего контроля над решениями ЕЭК, и главное из них — вопрос о правах человека. По убеждению КС, участие России в ЕАЭС не освобождает Россию от конституционной обязанности защищать права человека. В противном случае основанная на принципе *pacta sunt servanda* обязанность России отдавать приоритет международным договорам при коллизии с национальными нормами может вылиться в «безоговорочное стремление выполнять взятые на себя обязательства» в ущерб правам человека, что, по мнению КС, недопустимо.

Лишь превращение Суда Союза в эффективно действующий и авторитетный механизм позволит решить проблему конкуренции с другими судами. Суду предстоит проявить немалую находчивость и убедительность, чтобы доказать свои преимущества, которые а priori не очевидны, особенно с учетом его усеченной по сравнению даже с Судом ЕвразЭС юрисдикции. Заинтересованность в сильном суде должны показать также и страны-члены Союза, пойдя на смягчение своей сегодняшней позиции, нашедшей отражение в Статуте Суда ЕАЭС, которую можно назвать сочетанием жесткости и чрезмерных (иногда надуманных) опасений. В случае с Судом ЕАЭС поиски государствами баланса между независимостью и эффективностью суда, с одной стороны, и желательной степенью контроля за судом, с другой, не оказались стратегически удачными и выверенными. Преобладание страхов и сомнений при разработке Статута привело к появлению ослабленного суда, что вскоре станет ощущаться на качестве процесса евразийской интеграции.

Библиография

- Евразийская интеграция: роль суда / под ред. Т.Н. Нешатаевой. М.: Статут, 304 с.
- Кембаев Ж. Сравнительно-правовой анализ функционирования Суда Евразийского экономического союза // *Международное правосудие*. 2016. № 2. С. 30–45.
- Кожеуров Я. Институты международного правосудия и право Евразийского экономического союза: смотр правовых сил // *Российский юридический журнал*. 2016. № 4. С. 4–16.
- Alter K., Gathii J., Helfer L. Backlash against International Courts in West, East and Southern Africa: Causes and Consequences // *The European Journal of International Law*. 2016. Vol. 27. N 2. P. 293–328.
- Alter K. Agents or Trustees? International Courts in Their Political Context // *European Journal of International Relations*. 2008. Vol. 14 (1). P. 33–63.
- Alter K. Who are the Masters of the Treaty? European Governments and the European Court of Justice // *International Organization*. 1998. Vol. 52. N1. P. 121–147.
- Alter K. Private Litigants and the New International Courts // *Comparative Political Studies*. 2006. Vol. 39. N 1. P. 22–49.
- Ben-Shahar O. Agreeing to Disagree: Filling Gaps in Deliberately Incomplete Contracts // *Wisconsin Law Review*. 2004. N 2. P. 389–428.
- Helfer L., Slaughter A.-M. Why States Create International Tribunals: A Response to Professors Posner and Yoo // *UCLA Review*. 2005. Vol. 93. P. 1–58.
- Romano C. From the Consensual to the Compulsory Paradigm in International Adjudication: Elements for a Theory of Consent. New York University Public Law and Legal Theory Working Papers, 2006. 20 p.
- Shany Y. *Assessing Effectiveness of International Courts*. Oxford, 2014. 344 p.
- Trachman J. The Domain of WTO Dispute Resolution // *Harvard International Law Journal*. 1999. N 2. P. 346–350.

Mackenzie R., Sands P. International Courts and Tribunals and the Independence of the International Judge // Harvard International Law Journal. 2003. Vol. 44. N 1. P. 271–295.

Quigley J. The United States' Withdrawal from International Court of Justice Jurisdiction in Consular Cases: Reasons and Consequences // Duke Journal of Comparative and International Law. 2009. Vol. 19. P. 263–306.

Wet E. de. The Rise and Fall of the Tribunal of the Southern African Development Community: Implications for Dispute Settlement in Southern Africa // ICSID Review. 2013. P. 1–19.

Statute of EAEU Court as Reflection of EAEU Members Concerns and Doubts

Alexey Ispolinov

Associate Professor, Head, Department of International Law, Moscow State University, Candidate of Juridical Sciences. Address: 1 Vorobyovy Gory, Bldg. 13, Moscow 119991, Russian Federation. E-mail: ispolinov@inbox.ru

Abstract

The establishment of the Court of the Eurasian Economic Union has marked another attempt of the EAEU members to set up a regional integration court. Russian legal scholars have embarked the analysis of the Court Statute and Rules of the EAU Court, including the comparison with the powers of the EurAsEC court which had operated for three years and the competence and organizational activity of the EU Court of Justice. However, some issues remain outside the scope of research in particular, the motives guided by the EAEU members approving the decision on establishing Court and assigning it with a particular jurisdiction which significantly differs from the EUCH powers and EAEU court competence. The author of the paper attempts to compensate the gap by examining the Statute of the EAEU court on the one hand as the reflection of concern and doubts and concerns of the members on the one hand as the reflection of fears, doubts of the members as to the court being established, and on the other hand as a group of measures to control the new court to avoid or minimize judgments unwanted for them. The author concludes that seeking balance between independence and efficiency of the EAEU court and control over the court have not been strategically justified. The fears and doubts of the states drafting the statute of the Court leads to weakening features of the court, which will be instantly seen in the quality of the process of Eurasian integration. The existing limitations in the court jurisdiction do not promote to the development of its authority and legitimacy either for potential appellants which may seek protection of rights in other international or national courts to challenge the EAEU courts in EUHRC, WTO court, investment arbitrations or constitutional courts of the EAEU members.

Keywords

Eurasian Economic Union, Court of the EAEU, international courts, controls, jurisdiction, competition of courts, private appellants, efficiency of courts.

Citation: Ispolinov A.S. (2016) Statute of EAEU Court as Reflection of EAEU Members Concerns and Doubts. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no 4, pp. 152–166 (in Russian)

DOI: 10.17323/2072-8166.2016.4.152.166

References

Alter K. (1998) Who Are the Masters of the Treaty? European Governments and the European Court of Justice. *International Organizations*, vol. 52, no 1, pp. 121–147.

Alter K. (2006) Private Litigants and the New International Courts. *Comparative Political Studies*, vol. 39, no 1, pp. 22–49.

- Alter K. (2008) Agents or Trustees? International Courts in Their Political Context. *European Journal of International Relations*, vol. 14, pp. 33–63.
- Alter K., Gathii J., Helfer L. (2016) Backlash against International Courts in West, East and Southern Africa: Causes and Consequences. *The European Journal of International Law*, vol. 27, no 2, pp. 293–328.
- Ben-Shahar O. (2004) Agreeing to Disagree': Filling Gaps in Deliberately Incomplete Contracts. *Wisconsin Law Review*, no 2, pp. 389–428.
- Helfer L., Slaughter A.-M. (2005) Why States Create International Tribunals: A Response to Professors Posner and Yoo. *California Law Review*, vol. 93, pp. 1–58.
- Kembaev Zh. (2016) Sravnitel'no-pravovoy analiz funktsionirovaniya Suda Evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza [A Comparative Analysis of EAEU Court Activity]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no 2 (18), pp. 30–45.
- Kozheurov Ya. (2016) Instituty mezhdunarodnogo pravosudiya i pravo Evraziyskogo Ekonomicheskogo Soyuz: smotr pravovykh sil» [Institutes of International Justice and Law of the Eurasian Economic Union]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, no 4, pp. 4–16.
- Mackenzie R., Sands Ph. (2003) International Courts and Tribunals and the Independence of the International Judge. *Harvard International Law Journal*, vol. 44, no 1, pp. 271–295.
- Neshataeva T.N. (ed.) (2015) *Evraziyskaya integratsiya: rol' Suda* [European Integration: Role of Court]. Moscow: Statut, 304 p. (in Russian)
- Quigley J. (2009) The United States' Withdrawal from International Court of Justice Jurisdiction in Consular Cases: Reasons and Consequences. *Duke Journal of Comparative and International Law*, vol. 19, pp. 263–306.
- Romano C. (2006) From the Consensual to the Compulsory Paradigm in International Adjudication: Elements for a Theory of Consent. New York University. Public Law and Legal Theory Working Paper. 20 p.
- Shany Y. (2014) *Assessing Effectiveness of International Courts*. Oxford: Oxford University Press, 344 p.
- Trachman J. (1999) The Domain of WTO Dispute Resolution. *Harvard International Law Journal*, no 2, pp. 346–350.
- Wet E. de (2013) The Rise and Fall of the Tribunal of the Southern African Development Community: Implications for Dispute Settlement in Southern Africa. *ICSID Review*, pp. 1–19.